

ТАКАЯ ДОЛГАЯ ИГРА

После института поступила сразу в аспирантуру, и заниматься стала стилем модерн. Ах, какую чудную Москву я тогда узнала. Я ее всю помню. Каждую башенку, пропорции окна, поворот стены. Ту, которая теперь, я и видеть не хочу. Все равно того города, что в памяти моей, больше нет, а нового мне не надо.

Почти все время я лазила по архивам и читала интересные книги, а попутно то и дело выходила замуж – это дурная привычка, которую нужно истреблять у юношества наравне с наркотиками. Первый мой муж просто никуда не годился: это выяснилось немедленно после знакомства, но все-таки я два года с ним прожила, помучилась. Потом уже, с чувством исполненного долга, развелась и вышла тут же замуж за очень симпатичного гражданина и артиста многих театров, находившегося в розыске. Ах, какой же он был большой артист. Как он умел полоскать мозги... Теперь так не полощут.

Потом его посадили, а я начала его спасать. Фамилия адвоката была Хавкин, председателя суда звали Зуболомов, а следователь у нас оказался Федькин – и ничего этого я не выдумала. Суд был в Челябинске, а моя защита в Москве. Ну, хоть не в один день, слава богу, а то плакала б научная карьера. А после того как в институт истории и теории архитектуры меня не взяли из-за мужа-заключенного, я отправилась читать стихи несчастного узника на Арбате.

Стихи были кошмарные. Я рассказывала душераздирающую историю гонений на диссидентов (он третий раз сидел за хулиганство). Публика слезливо сочувствовала. Коллеги по институту тайно приходили меня слушать. Я чувствовала себя как самый громкий петух на лучшей мусорной куче в округе.

Вот в это время я ездила в республику Коми и навсегда запомнила русский север. Какая щедрая эта земля, как много в ней жизни, и как ужасно там живут. В поезде я зашивала двадцатипятирублевки в краешек ватника, прятала какие-то записочки в ботинках – я ведь была образованная девушка и читала Солженицына еще в школе.

Зона была окружена дырявым забором. В некоторых местах забор совсем уж повалился, от старости. Все привезенное прохожий солдатик перебросил мужу прямо в руки – за пятерку.

Муж стал какой-то скучный. Он ничего не читал, жаловался, что давно нет шоколадику, просил привозить побольше чаю и какой-то краситель. А цвет какой? Говорит, неважно.

Потом я узнала, что из красителя варят торч, а из чая чифирь. По приговору ему дали пять лет, и мне объясняли, что это большой успех: светила десятка. Не знаю, успех там или не успех, но просидел он почему-то всего три, а потом как-то ловко выпустился. И скромно поселился на даче у моих родителей.

К тому моменту я уже опять развелась и продолжала спасать человечество поштучно. Некоторое время я была архитектурным чиновником, преподавала исто-

рию искусств и таможенное дело, учила английскому, проектировала какую-то фигню для горных козлов в зоопарке – и наконец пристроилась читать программу по турбизнесу в коммерческом институте.

Люди платили большие бабки за этот курс. Никто не знал, что свои лекции я выдумывала, в туризме ни дня не работала, а в путешествия ездила только в детстве. Арбатская выучка пригодилась – я знала, как пасти толпу и держать на себе внимание. Не так уж важно, чего ты там гонишь, главное, чтобы людям не было скучно. Студенты были убеждены, что я объездила весь мир. А у меня даже загранпаспорта не было.

Потом однажды я пришла к Мишке Черепанову. Я считала его своим другом и в переломные моменты биографии всегда заходила посплетничать. А тут моя личная жизнь в очередной раз распалась в куски, и я из-под них выбиралась.

Кайзер стал очень важным, лоснистым и респектабельным. Он объявил, что работает главным художником в одном издательском доме. У него есть личный шофер и личный компьютерный батрак, который реализует все кайзеровы графические замыслы. И Черепанов там делает журнал. И издает книжки. Кайзер сроду не умел рисовать!!!

Я тут же потребовала меня с батраком свести, чтобы мне тоже ко всему компьютерному приобщиться. Потому что я хотела хотя бы компьютеры купить, вот что. Но тот притворился, что не слышит. Они как-то странно дружат, эти сокурсники.

На дворе меж тем заводился май. И несколько дней спустя ко мне на улице подклеился некий весенний гражданин. В ходе светской болтовни выяснилось, что это тот самый компьютерный батрак – привет одногому! Еще через неделю в издательстве состоялся грандиозный скандал и Кайзера уволили. А может и сам дверью хлопнул.

Компьютерный мужчина, шофер и место главного художника осиротели. На все это имущество стали зариться различные претенденты. Но каждый раз при рассмотрении очередного соискателя с компьютером случалось что-то нехорошее. Так что эскизы у испытуемых получались дурацкие.

Тем временем мой новый знакомый втирал хозяйке издательства, что он знаком с целой кучей крутейших график-дизайнеров современности. И он даже самостоительно проводит среди них конкурс на главного художника, и наметил уже пару кандидатур. Хотя эти дизайнеры в силу своей востребованности не имеют времени заглянуть в редакцию лично, они могут передать с ним свои гениальные наброски.

Эскизы мы состряпали на чужом компе за одну ночь. К тому моменту журнал надо было срочно сдавать в типографию, потому что за просрочки выкапывали чудовищные штрафы.

Чудесным образом мой макет был признан самым подходящим. И меня взяли главным художником с умопомрачительным окладом. А я тогда даже мышь держать не умела! Зато теперь – вот, научилась. Мышь держать совсем нетрудно!

А потом журнал накрылся, потом случился дефолт... А мой ребенок все подрастал и подрастал, а воинскую обязанность все не отменяли и не отменяли.... К тому

же благодаря моей малой высокооплачиваемости мне совершенно нечего было терять, когда я надумала сваливать.

Поначалу я к Новой Зеландии примеривалась. Возле улицы Воровского их особняк, в переулках. Очереди тогда в посольства тогда стояли огромные.

Пристраиваясь в хвост. Жарко. Откуда-то пахнет шоколадом. В Зеландии никто не был. Но где-то в начале очереди, говорят, есть опытная женщина, у которой дети там живут второй год.

Подбегает тетка с баулами. Запыхалась.

- За чем стоят, не знаете?
- Зеландия!
- Кто крайний?

В общем, я в Австралию в итоге подалась. Там очереди были поменьше.

Через два года мне дали визу, и я поехала. По дороге посваталась к тому компьютерному пинфлайду и вывезла этот инвестмент. Потому что одной с ребенком ехать было страшно, а вдвоем, я думала, мы там горы свернем. Расчет, надо заметить, оказался правильный. Но не в мою пользу.

А года через два я приехала в гости в Россию. Я числилась уже иностранкой, ничего для себя не хотела, и собиралась доживать свои дни в бесцветном стерильном раю. Ну разве что в Аргентину напоследок смотраться, да в Японию зарулить ненадолго. И вот в поезде на Соловки случайная попутчица мне сказала: у тебя начинается возраст, в котором ты будешь делать неожиданные вещи. Сама потом удивишься.

Ну что я могла сделать неожиданного? Я четыре раза была замужем, защищила кандидатскую, читала стихи на улице, торговала книжками, писала статьи, давала лекции, жила с уголовником, потом с сумасшедшим, торчала на героине и спала на вокзале. Уехала на другой край земли, где с перепугу сделалась посудомойкой. И что еще со мной могло случиться?

Очень недальновидное рассуждение. Через две недели после возвращения с Соловков я случайно познакомилась с одним интересным гражданином, а через полгода переехала в Америку. Никогда не знаешь, что ждет тебя за поворотом.